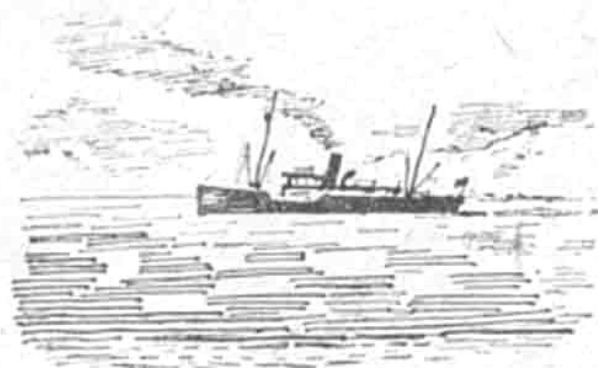

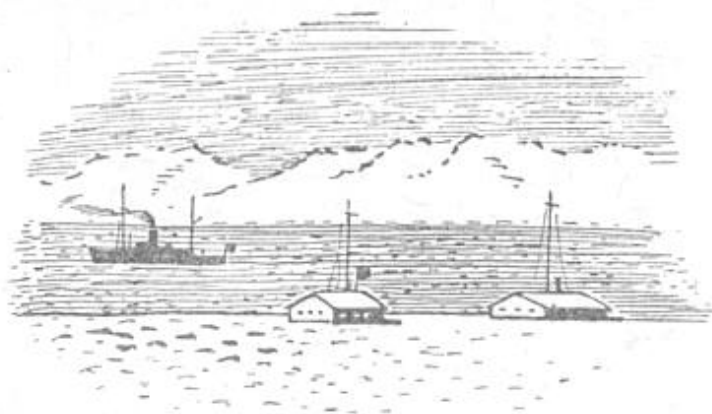
ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Э. ВИЛЕНСКИЙ
М. ЧЕРНЕНКО

ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ • ЛЕНИНГРАД • 1939

РУССКАЯ ГАВАНЬ

Три дня безуспешно пробивались к Земле Франца-Иосифа. Однажды за вахту продвинулись меньше чем на длину корпуса, всего на семьдесят восемь метров! Вместо того чтобы идти на север и на восток, уходим на юг, юго-запад.

Ночью 17 августа были снова возле острова Белого. Днем — опять возле него, но несколько юго-западнее. До восточного побережья Шпицбергена миль тридцать пять, до острова Белого — миль двадцать. Много острот по этому поводу, шутят, что сейчас «обойдем» в одну навигацию Шпицберген с юга и придем домой, установив «новый мировой рекорд».

Последние дни мы боремся за юг так же, как недавно боролись за север. В эти дни наглядно ощущаешь роль ветров в Арктике. Три недели подряд дул норд-ост. Ветры нагнали с севера огромные ледяные поля. Путь на восток от Шпицбергена и проливы между островами Белым и Виктории сплошь забиты льдом.

В союзе со льдом наступает туман, преследующий нас по пятам. В тумане нельзя выпустить воздушную разведку. Приходится идти ощупью, почти наугад, руководствуясь особой интуицией полярников. За три дня спустились почти на два градуса к югу. Движемся около кромки льдов, пользуясь попутными ветрами и разводьями...

18 августа твердо взяли курс на Русскую Гавань. Там ожидает нас «Спартак» с грузом угля. «Спартак» торопит нас, ему надо завезти снаряжение и смену зимовщиков на полярные станции в Карском море.

Пересекли море Баренца. В 1593 году отважный голландец Виллем Баренц на корабле «Посланник» плыл по этому

морю к Новой Земле. Он там и погиб во время одной из своих зимовок. Могила его до сих пор не разыскана.

По пути встретили сплоченные льды. Долго обсуждали вопрос—откуда эти льды: принесены они с севера или остались здесь со времени зимы? Ответ дал Богоров.

Наш планктонолог уже давно установил, что в мире планктонных обитателей происходят сезонные изменения.

Весной, лишь только стаивают местные льды и море открывается живительным лучам солнца, в толще воды развиваются крохотные микроскопические растения, растительный планктон—диатомей. Проходят месяцы, и на морских пастбищах появляется животный планктон, зоопланктон—калянусы, крохотные сагитты, бокоплавы и другие рачки всевозможных классов. В море лето. И если с севера свирепые штормы или ветры принесут льды, мир планктона останется объективным показателем, свидетельствующим о том, что море переживает летнюю фазу своего развития.

Обычно для выяснения происхождения льдов, встреченных на пути корабля, вызывают к помощи метеорологов. Они изучают карты погоды и долго подсчитывают румбы ветров, прежде чем скажут, какие ветры могли забросить сюда лед из других районов. Кораблеводителя эти данные интересуют отнюдь не из любопытства. Без них нельзя решить: стоит или не стоит форсировать лед. Если он стоит здесь издавна, лучше обойти вдоль кромки, если он принесенный, можно пройти.

Богоров рассказывает:

— В машинном отделении уже давно обратили внимание на разницу в окраске осадка, который забивает сетку моего водомера. Раньше осадок был похож на кофейную гущу. Это оседали вестники морской весны—мириады диатомей. А сейчас осадок беловатый—развились массы животных организмов. Разница эта бросается в глаза каждому, кто хоть раз подходил к водомеру. Даже по цвету планктона можно определять характер времени года, которое переживает море. В данном случае можно утверждать, что лед, встреченный нами, принесен извне. Внизу, в море, сейчас лето. Местный лед стоял уже давно, месяца два назад.

Вскоре вышли на чистую воду. Стало слегка покачивать. Утром 21 августа сквозь кисею тумана проступили холмистые отлогие берега. Это Новая Земля—острова, брошенные между

Ледник Шокальского в Русской Гавани.

Баренцовым и Карским морями узким выщербленным куском суши.

Историки до сих пор не решаются сказать, кем и когда были открыты эти острова. Но если судить по летописям Нестора Летописца, Новая Земля была известна русским еще тысячу лет тому назад. Нестор писал в прошлом тысячелетии: «Югра же людье есть язык нем и сидят с Самоядью на полунощных странах». Югрой Нестор называл угорские племена. В древнейшие времена новгородские ушкуйники узнавали у «югры» о «полунощных странах» и направлялись туда.

Смелые северные русские моряки не только открыли, но первыми по-хозяйски исследовали новоземельские острова. К сожалению, у нас очень мало знают о походах Родиона Иванова, зимовавшего на Новой Земле в глинобитной хижине, Саввы Лошкина, плававшего сюда в конце XVIII века, крестьянина Якова Чиракина, погибшего во время зимовки, штурмана Розмыслова, искавшего здесь драгоценные камни, Лудлова, ходившего сюда на «Пчеле». Все эти выдающиеся русские исследователи своими походами подготовили экспедиции Федора Литке, Петра Пахтусова и штурмана Цивольки, которым принадлежит честь первых детальных описаний новоземельских островов.

Северная оконечность Новой Земли—мыс Желания—упирается в семьдесят седьмую параллель. Милях в ста от него врежется в землю небольшой изогнутый залив Русская Гавань. В гавани кипит жизнь, как на любой транзитной узловой станции Севера. Недавно ушла «Ветлуга». Она увезла старых зимовщиков. Еще раньше «Малыгин» завез снаряжение. Гидрографы производят промеры, уточняют карту залива.

С волнением осматриваем берег. Три года назад в Русской Гавани была основана первая советская зимовка. Вначале на берегу появилась одинокая палатка, потом построили четырехкоконный дом и радиостанцию. За год на карту был нанесен почти весь Северный остров, расшифрованы многие загадки геологии, через ледники проложена аэросанная дорога, выходящая в Карское море. Сейчас зимовки не узнать. Выросли новые дома, баня. На берегу развевается красный флаг.

Скорей на берег, на твердую землю. Катер ползет томительно медленно, и мы никак не можем дождаться, пока он причалит вплотную к мосткам. Прыгаем в воду, в гущу водорослей, мчимся по суше (понимаете, по суше!), наверх, к домикам, к радию.

Нас сопровождает гурьба местных собак, среди них Венера—черный пес, подаренный Ушаковым зимовщикам в 1932 году, когда он возвращался с Северной Земли.

Зимовка расположена на узком перешейке. Сразу за домом начинается тундра. Отлогие холмы берега покрыты убогой растительностью, пищей северных оленей. С подветренной стороны за камнями прячутся травы. Много низкорослых цветов, мхов, разнообразных лишайников. Чуть подалее можно увидеть землю, совсем лишенную растительности и растрескавшуюся правильными шестиугольниками. Кажется, что это мостовая, выложенная глиняными плитками, на стыке которых сквозь щели пробивается трава.

В долине за полянами цветов виднеется стадо оленей. Охота на них на Новой Земле запрещена, так как олень теперь стал здесь редким, заповедным животным.

За перешейком—огромная подковообразная бухта Откупщикова. Она забита большими и малыми глыбами льда всех цветов от нежноголубого до грязнофиолетового. И над всем этим поднимается высокая, неприступная ледяная стена—ледник Шокальского. Мы видим только передний фронт этой огромной ледяной реки, спускающейся в море со «скоростью» восьми метров в год. Он дряхл, размыт водами, бока его залиты ручьями грязи. С вершины ледника виден третий залив по ту сторону мыса. Там много красивых айсбергов густосинего

цвета. Долго бродим по леднику, сожалея, что нет у нас альпинистских ботинок, чтобы спуститься в его расщелины — глубокие, узкие и страшно заманчивые.

В тот же день начался угольный аврал. Перегружаем уголь со «Спартака». Только на третий день, когда погрузка закончена, снова отправляемся на берег еще раз осмотреть зимовку, станцию, поговорить с зимовщиками. Они приехали несколько дней назад, а уедут через два года.

На зимовке четыре дома: жилье, рация, склад и баня. Возле «главного здания» маленькие густошерстные щенки воются с брошенной им кайрой.

Какой-то особенный, лагерный стиль жизни царит в домах зимовщиков. В окнах четыре рамы: четыре стекла защищают зимой людей от метелей и буранов. В первой комнате стойка с винтовками и дробовиками. В столовой на столе — громадный кусок масла. Вряд ли на материке подадут к столу такой пятифунтовый кусок. Во всю стену книжные полки с литературой самого разнообразного содержания. Столик с патефоном и пластинками. Дальше — спальня.

Остаются зимовать здесь четыре человека — начальник станции (он же геофизик), метеоролог, радист и механик. Повара нет, а готовить и печь хлеб никто не умеет. Одна надежда на поваренную книгу издания 1880 года. Любопытно, что в этой книге в главе, посвященной бисквитам, лежала старая закладка, на ней написано:

«Рекомендуем».

Станция Русская Гавань существует всего три года. Откуда попала сюда эта допотопная книга? Неизвестно, кто завез сюда граммофонные пластинки с маршами «в исполнении восьмидесяти второго саратовского пехотного полка» и «Гайда, тройка» в исполнении некогда знаменитого певца Шумского.

Новые зимовщики, впрочем, не падают духом. Особенно ободрились они в связи с приходом кораблей, оказывающих им изрядную помощь. Садковцы ремонтируют оборудование, дают советы. Зимовщики беспрестанно ездят к нам, расспрашивают опытных полярников.

Весь берег завален палатками, ящиками, бочками, кирпичом, глиной. Пришло продовольствие и разные хозяйственные грузы. Оживление — необычное для далекой зимовки.

Но скоро все стихнет. Уйдет «Садко», уйдет «Спартак», уедут гидрографы. С остальным миром свяжет зимовщиков только радио. Да еще километрах в четырех через залив в становище останется двадцать промышленников, добывающих медведя, песца и белуху.

Они будут трудиться здесь вдалеке от культурных центров, но мы знаем, что вернутся они на материк окрепшими, закаленными, полными желания вновь поехать на далекие полярные зимовки.

Ночью 23 августа разразилась мощная, почти тропическая гроза. Несколько раз ударила молния. Застучал град. Далеко в море замигали зарницы. Метеорологи в полном смятении. Гроза на семьдесят пятой параллели—явление весьма редкое. Долго не спим. Шумно в каюте журналистов—этом маленьком клубе экспедиции. С моря попрежнему дует штормовой ветер.

После грозы утро удивительно тихое. Слегка туманит. О наступлении дня предупредили гудки «Спартак». Катер гидрографов провел его к взморью, и оттуда «Спартак» прощается с нами и зимовкой. До свидания, друзья. Вот и разошлись корабли...

В полдень выбираем якорь. Медленно уходим в море, ежеминутно промеряя глубины: предательский фарватер Русской Гавани скрывает много ловушек. Залив богат рифами и опасными мелководьями. Гряды рифов выдаются против каждого мыса. В часы отлива над этими хищными подводными лапами моря держатся водовороты. Некоторые из выступов не отмечены на карте. В середине бухты, почти у борта, эхолот внезапно обнаруживает банку, спрятавшуюся всего лишь под десятиметровым слоем воды.

На мостике Николаев. Обязанности лоцмана исполняет Лактионов. Наш гидрохимик, как всегда, не словоохотлив. Еще в 1932 году, посетив Русскую Гавань и воспользовавшись вынужденной остановкой «Седова», Лактионов произвел подробную опись бухты и написал статью об условиях плавания в Русской Гавани. К сожалению, на новых картах, переизданных в 1935 году, не учтены ценные указания Александра Федоровича. Сейчас он вспоминает глубины по старой записной книжке, указывает опасные места, характерные знаки.

Николаеву почти каждую минуту докладывают о глубинах. Не отвечая, молча, внимательно и напряженно он всматривается в туман, все больше окутывающий нас.

— Какой румб?—слышен короткий вопрос рулевому. Взгляд не отрывается от мысов и островков.

— Триста пятьдесят шесть с половиной.

— Взять три.

— Есть три.

Чтобы не мешать капитану, мы выходим. Нам рассказывают историю открытия Русской Гавани. Седов в 1913 году опре-

Капитан «Садко» Николай Михайлович Николаев.

делил здесь астрономический пункт, наметил очертания залива. Но этому открытию, как и многим другим седовским делам, не повезло. Годы были такие. Пятнадцать лет о Русской Гавани почти не вспоминали. Только в 1927 году на небольшом пяти- сильном катере «Тимонец» сюда добралась группа полярников. Свою шхуну «Зарница» они поставили около острова Баренца, а сами в густом тумане, ориентируясь только по компасу, пошли в крохотной скорлупке вдоль незнакомых берегов. Налети даже пустяковый ветер, вряд ли им выбраться. Долго пробирались они вдоль берегов. Обширный залив с моря почти не был виден. Закрывали мысы. Наконец все же проникли в Русскую Гавань. Два дня вели съемку залива. Местность, казалось, никогда не посещалась людьми. Но вот как-то полярники взобрались на высокую глыбу острова Богатого. А наверху, оказывается, стоит огромный пятиметровый старообрядческий крест с полуистлевшей от ветров и туманов надписью:

«Сей крест поставили сумчане—промышленники Кошиков, Тенин и Степан Борисов, сотоварищи 1842 году августе на острове Богатом, бывшем Баренца».

Легко представить удивление путешественников. Они дивились смелости и бесстрашию поморов. Куда только они ни заплывали на своих крошечных парусных ладьях...

Мы так увлеклись историей, что не заметили, как сырая тяжелая пелена тумана почти совсем окутала бухту. Слышно, как кричат на острове Богатом кайры. По рассказам зимовщиков, здесь птичий базар. Но туман закрыл остров, и с трудом можно разглядеть высокий знак, поставленный на его вершине. Воздух насыщен мельчайшей водяной пудрой. Она собирается каплями на бортах, на тросах и оттяжках.

Вода в заливе бутылочно-зеленоватого цвета. Курс—вест. Странно: ведь справа уже как будто открылось чистое море и можно сворачивать. И вот, словно специально для того, чтобы утвердить авторитет капитана, прорывается пелена тумана. У самого правого борта—остров Бабушкина. Как обманчиво море в тумане. Поверни мы чуть раньше к северо-востоку—и быть нам наверняка на каменистых рифах, охраняющих этот островок.

Но вот все рифы позади. Идем к северу вдоль западных берегов Новой Земли.

Из-за горизонта пробиваются лучи солнца. Они озаряют феерическим светом ледники и горы, покрытые снеговой шапкой. Нельзя оторвать глаз от величественной панорамы. Она восхищает не только новичков, но и бывалых полярников. Северо-западные берега Новой Земли, по их словам, красивейшие в Арктике.

Непрерывной цепочкой тянется вдоль берега хребет Ломоносова. Края гор зазубрены в виде башен, пирамид, тонких шпилей. Мы, к сожалению, не видим самых высоких вершин—они закрыты туманом. Береговая гряда под лучами солнца цветет замечательным нежнорозовым тоном. На ней синеют снежные ложбины. Горы достигают семисот—восьмисот метров. Но это только низкорослая изгородь у шапки белоснежного ледникового купола, который укрывает всю Новую Землю и поднимается на тысячу—тысячу сто метров над уровнем моря.

Проходя меж гор, по расщелинам и долинам к морю от главного купола стекают исполинские ледяные потоки яркого голубого льда. Обрываясь над морем, глетчеры часто рождают зеленые, голубые, синие горы льда—айсберги.

Зеленая вода. Снег. Голубой лед. Розовые горы. Невольно поражаешься тому, с каким великим мастерством природа подобрала прекрасные, незатухающие краски, чтобы украсить ими безлюдную северную страну.

Ночью 25 августа прошли мыс Желания. Северная оконечность Новой Земли осталась позади. Курс—к острову Визе.

Идем чистой водой. Штормит. На столах кают-компаний к общему неудовольствию снова появились «скрипки» — решетки для тарелок. Заброшен бильярд. Варламов жестоко поплатился за свою попытку увеличить фото, снятые «лейкой». Изображения оказались сдвинутыми и утроенными. Укачало собак.

Заказчик с горя принялся грызть выступающую крышу своего домика. Закрыв глаза, он впивается в дерево клыками и грызет щепки одну за другой. Но вот, наконец, выступ сгрызен начисто. Дальше дерево не подается. Сверху, на стенке домика, свежая, ровная плешина. Заказчик не сдается. Напрягаясь всем телом, он впивается в доску, зубы скользят, а израненная губа кровоточит. Пес молча лижет окровавленное дерево и снова, прильнув всем телом к стене, почти слившись с ней, рвет мелкие сосновые стружки.

Последняя сеть Богорова принесла невероятный улов: в стакане оказалось около полумиллиона калянусов. На блюде калянусы лежат плотным толстым слоем. Кажется, что это мелкозернистая красная икра. Удивляет только форма икринок — они продолговатые, похожие на рисовые зерна. При внимательном осмотре можно заметить торчащие длинные усы.

Обилие животного планктона — признак кипучего полярного лета. Вода наполнена буйной незримой жизнью. Уже уничтожены мириады микроскопических водорослей — диатомей. Сейчас калянусов поедают более крупные планктонные организмы и рыбы, за которыми, в свою очередь, охотятся тучи чаек.

Обилие пищи привлекает касаток. Черные острые плавники все время режут воды около борта «Садко». Касатки стараются идти впереди корабля, как лоцманы. Так обычно они конвоируют китов, попавших к ним в плен. Иногда касатки ныряют под киль корабля и, возможно, пытаются таранить снизу «Садко». У китов часто находят глубокие рваные раны, нанесенные плавниками этих свирепых хищников. На обшивке «Садко» эти раны будут неглубокими...

Сегодня на верхней палубе около Вл. Березкина сел небольшой глупыш. Разбросав крылья, птица тщетно пыталась подняться. Ее легко накрыли шапкой. Оказывается, глупышу для взлета тоже нужна площадка. Поэтому он и не мог взлететь с палубы. Выброшенный за борт, глупыш быстро поднялся ввысь и, сделав над спардеком несколько приветственных кругов, присоединился к стае своих собратьев. «Плаперными» особенностями глупыша особенно удовлетворен Бабушкин.

— Видите, не только самолетам, но и птице нужна стартовая площадка! — говорит он.

По мере продвижения к северу все больше и больше огорчаются наши «ледовики». Их программа, лишь вчера намеченная на производственном совещании, остается пока не реализованной. Льдов нет. Вопреки всем предположениям и опыту прошлых лет, идем, не встречая даже отдельных льдинок. Поверхностный слой воды — теплый: $+1,5$, $+1^{\circ},6$ по Цельсию. Очевидно льды не близко.

Качка усиливается. Негостеприимно встречает нас Карское море. Люди облачаются в высокие резиновые сапоги: волны ежеминутно перекатываются через палубу. После трехдневного перерыва в научных работах, сегодня возобновились регулярные станции. Снова пыхтят лебедки, снова опускаются в морскую пучину тралы, сети, трубки и батометры.

27 августа, миновав остров Визе и продвинувшись значительно на север, мы подошли, наконец, ко льдам. Поля льда весеннего образования, но сильно восторошенные. Идем по крупным разводьям с малыми отклонениями от генерального курса. Решено пробиваться к северо-западной окраине Земли Франца-Иосифа — острову Греэм-Белл.

